

Текст 23. В. С. Токарева «Сволочей тоже жалко»

Эта история произошла тридцать лет назад.

У меня к этому времени вышли фильм и книга. Я ходила в молодых и талантливых. Жизнь улыбалась. Но вдруг ни с того ни с сего моя дочь перестала видеть правым глазом. Ее положили в больницу с диагнозом неврит, воспаление зрительного нерва.

Моей девочке было десять лет, мы никогда до этого не расставались, и эта первая разлука явилась трагедией. Она плакала в больничной палате, а я у себя дома, на улице и в гостях.

Фаина увидела мой минор и вызвалась помочь. На другой день мы вместе отправились в Морозовскую больницу. Глазное отделение находилось на пятом этаже, без лифта. Фаина шла, вздымая свои сто килограммов, и недовольно бурчала. Смысл ее бурчания был таков: зачем она пошла, зачем ей это надо, вечно она во что-то влезает себе во вред. Я плелась следом и чувствовала себя виноватой. Наконец мы поднялись на нужный этаж.

– Стойте и ждите, – приказала Фаина.

Она достала из объемной сумки белый халат, надела его и скрылась за дверью глазного отделения. Я стояла и ждала. Время остановилось. Появилась Фаина. Подошла близко. Устремила на меня пронзительный взор. Буквально впиалась взглядом.

– Соберитесь, – сказала она. – Выслушайте разумно. У вашей дочери опухоль мозга. Эта опухоль передавливает нерв, поэтому он не проводит зрение. Надо делать трепанацию черепа и удалять опухоль.

– И что потом? – спросила я.

– Молите бога, чтобы она умерла. Если выживет, останется идиоткой.

Фаина замолчала. Стояла и изучала мое лицо. Мое лицо ничего не выражало. Меня как будто выключили из розетки.

– Я вам что-то должна? – спросила я.

– Ничего, – великодушно ответила Фаина. – Но поскольку я потратила на вас время, сопроводите меня в ателье. На такси. Я должна забрать норковый берет и норковый шарф.

Мы спустились вниз. Я остановила такси, и Фаина загрузила в него весь свой живой вес.

Я сидела возле шофера и не понимала: зачем Фаина заставила меня ехать с ней в ателье? Сообщить матери о том, что ее ребенок безнадежен, – значит воткнуть нож в ее сердце. А потом потребовать, чтобы я с ножом в сердце повезла ее в ателье... Стоимость такси – рубль. Неужели у генеральши нет рубля, чтобы доехать самой?

Я осталась в машине, сказала шоферу:

– Обратно в больницу.

Я вернулась в глазное отделение, вызвала врача.

– У моей дочери опухоль мозга? – прямо спросила я.

– С чего вы взяли? – удивился врач. – У нее обычный неврит.

– А как вы отличаете неврит от опухоли?

– По цвету. Когда неврит, нерв красный, а когда опухоль, нерв синий.

– А у моей дочери какой цвет?

– Красный. Мы будем колоть ей нужный препарат, воспаление уйдет, зрение восстановится.

Я не ушла до тех пор, пока врач не вынес мне рентгеновский снимок и я не убедилась воочию, что снимок чист, прекрасен и даже красив. Я вернулась домой без ножа в груди. Я потом долго пыталась понять: что это было? Может быть, зависть? Но она живет лучше меня. У нее муж генерал с генеральской зарплатой и норковый берет с норковым шарфом. А у меня обычная вязаная шапка.

Прошло десять лет. Моя дочь выросла, набралась красоты, одинаково видела обоими глазами. Запуталась в женихах.

В один прекрасный день мы с мужем поехали на базар. В овощном ряду я углядела Фаину. С тех давних пор я с ней не общалась, хотя слышала, что недавно ее муж умер в гараже возле машины, а сын выпал из окна. Наркотики.

Фаина увидела меня и кинулась мне на грудь как близкая родственница.

Я стояла, скованная ее объятьями, и мне ничего не оставалось, как положить руки на ее спину. Спина тряслась в рыданиях. Под моими ладонями выступали ее лопатки, как крылья. Фаина не просто похудела, а высохла. Куда делись ее килограммы? Локоны превратились в старушечий пучок на затылке. Что делает с человеком горе...

Мой муж показывал мне глазами: надо идти, чего ты застряла? Но я не могла оттолкнуть Фаину вместе с ее рыданиями. Я стояла и терпела. И не просто терпела – сочувствовала. Гладила ее по спине, по плечам и крыльям.

Таких людей, как Фаина, тоже жалко.

Виктория Самойловна Токарева — русский прозаик и сценарист.

